

12. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2 т. Т. 1. – М.: Советская Россия, 1976.
13. Кушневский И.А. Не столь отдаленные места Сибири // Русские очерки: в 3 т. Т. 2. – М., 1956.
14. Тюпа В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). – М.: Лабиринт, РГГУ, 2001.
15. Короленко В.Г. Сибирские очерки и рассказы. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983.
16. Елпатьевский С.Я. Очерки Сибири // Русские очерки: в 3 т. Т. 3. – М., 1956.
17. Елпатьевский С.Я. Во власти природы // Елпатьевский С.Я. В Сибири. Рассказы и очерки. – Новосибирск: Новосиб. обл. изд-во, 1938.
18. Сибирский В. Не от скуки. Стихотворения. – Томск, 1890.
19. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 14-15: Из Сибири. Остров Сахалин. – М.: Наука, 1978.
20. См.: Собенников А.С. Миф о Сибири в творчестве Чехова (очерки «Из Сибири») // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: материалы междунар. науч. конф. – Иркутск, 2004.
21. Бахтин М.М. Риторика, в меру своей лживости... // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. – М.: Русские словари, 1997.
22. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. – М., 1997.

А.Л. Гумерова

аспирант Института мировой литературы РАН
г. Москва

Образ Смердякова и Священное Писание: осмысление некоторых композиционных связей

В статье рассмотрены три библейские цитаты в речи героя романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Смердякова, связывающие его с другими персонажами. Эта связь объясняет некоторые особенности сюжетно-композиционной структуры романа.

A.L. Gumerova

Smerdyakov's character and the Scripture: understanding of some composition connections

The article reviews three biblical Scriptures in a speech by Smerdyakov, the hero of Dostoevsky's "Brothers Karamazov". These Scriptures connect Smerdyakov with the other characters, and this connection explains some peculiarities of plot and composition structure of the whole novel.

Мир романа «Братья Карамазовы» глубоко связан с Евангелием. Как справедливо замечает Д. Томпсон, «Библия ...сопровождает роман с начала (эпиграф) до конца (последняя речь Алеши)» (1, с.24). Понятно, что каким-то образом эта связь будет проявляться и в композиции романа – например, с помощью цитат из Священного Писания.

В романах Достоевского часто возникает довольно интересный композиционный прием: некая цитата появляется в тексте не один раз, а несколько. Возникает своеобразное «сквозное цитирование», т.е. цитата как бы проходит сквозь текст романа, соединяя таким образом различные элементы сюжета, которые на первый взгляд могут казаться не связанными друг с другом. В частности, подобное происходит с цитатами из Священного Писания.

Очевидным примером такого цитирования является эпиграф к роману «Братья Карамазовы»: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ион. XII, 24.). Эти слова еще дважды появляются в романе в виде точной цитаты: один раз в главе «Старец Зосима и его гости» – в сцене, когда старец убеждает Алешу непременно найти Дмитрия на следующий день, он говорит: «Все от Господа и все судьбы наши. «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»» (2, с.259). Второй раз – уже в главе «Из жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексея Федоровича Карамазовым», в разделе «Таинственный посетитель», этими словами будущий старец убеждает своего посетителя объявить о совершенном преступлении. «Взял я тут со стола Евангелие, русский перевод, и показал ему от Иоанна, глава XII, стих 24: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Я этот стих только что прочел перед его приходом» (2, с.281). И, очевидно, все эти эпизоды, где появляется цитата-эпиграф, связаны между собой. Однако похожее в произведениях Достоевского происходит не только с эпиграфом, но и с другими цитатами, появляющимися в тексте. В романе есть еще ряд подобных случаев, когда та

или иная отсылка появляется в тексте романа несколько раз – иногда при этом форма появления отсылки в тексте меняется, иногда остается той же самой.

Остановимся на сквозных цитатах, связанных с образом Смердякова. Неоднозначность образа Смердякова подробно раскрыта О. Меерсон в статье «Библийские интертексты у Достоевского: кощунство или богословие любви?» (3). О возможности спасения для Смердякова пишет Д. Томпсон, сопоставляя его самоубийство с молитвой старца Зосимы о самоубийцах: «Он ищет Бога. Он своим самоубийством в самый последний момент вроде бы закрывает для себя путь к спасению. И тем не менее, даже здесь существует все же какая-то надежда на милосердие, ибо из приводимой на более ранней стадии романа проповеди Зосимы об аде явствует, что есть по крайней мере один святой человек, который молился и продолжает молиться за подобных Смердякову...» (1, с.258). Очевидно, его нельзя считать просто отрицательным персонажем, и об этом говорят многие исследователи творчества Достоевского. И эта неоднозначность проявляется в том числе и в библийских цитатах, возникающих в речи Смердякова. Надо сказать, что для романов Достоевского более характерно появление цитат в речи персонажа, чем в авторской речи. Итак, разберем три библийские цитаты, появляющиеся как в речи Смердякова, так и в других эпизодах романа.

Первая такая цитата возникает в ответе Смердякова на вопрос Алеши: «Брат Дмитрий скоро воротится?». Смердяков на это отвечает: «Почему ж бы я мог быть известен про Дмитрия Федоровича; другое дело, кабы я при них сторожем состоял?» (2, с.206). Это отсылка (точнее, парафраз, то есть пересказ своими словами) на ответ Каина Богу: «И сказал Господь [Бог] Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?» (Быт. 4:9). И несколькими страницами дальше Иван опять же на вопрос Алеши: «Что же Дмитрий и отец? Чем это у них кончится?» – отвечает: «Сторож я, что ли, моему брату Дмитрию?.. Каинов ответ Богу об убитом брате, а?» (2, с.211). Иван и Смердяков вспоминают один и тот же текст, но при этом Иван *цитирует*, хотя и неточно, а Смердяков произносит заново, т.е. если для Ивана это чужое слово, то для Смердякова – свое. По мнению О. Меерсон, слова Ивана являют собой контраст со «сложнейшим и болезненнейшим перифразом этих же слов в устах Смердякова», который своим нарочито лакейским ответом показывает свою обиду за непризнание его братом Карамазовых. И именно поэтому он пропускает слово «брат»: «Смердяков... в тот момент как раз думает о своих отношениях забытого братства с Алешей и Митей, и именно поэтому не может говорить о братстве прямо и прибегает к сложнейшим экивокам» (3, с.53). Т.е. в этом случае Смердяков и Иван связываются через мотив братства.

В главах «Русский инок» и «Третье, и последнее свидание со Смердяковым» возникает отсылка к словам Христа: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20). В «Русском иноке» старец Зосима говорит: «А если вас двое таких сойдутся, то вот уж и весь мир, мир живой любви, обнимите друг друга в умилении и восхвалите Господа: ибо хотя в вас двоих, но исполнилась правда Его» (2, с.291). А в «Третьем, и последнем свидании со Смердяковым» на вопрос Ивана: «Знаешь что: я боюсь, что ты сон, что ты призрак предо мной сидишь?» – Смердяков отвечает: «Никакого тут призрака нет-с, кроме нас обоих-с, да еще некоего третьего. Без сумления, тут он теперь, третий этот, находится, между нами двумя... третий этот – Бог-с, самое это Провидение» (4, с.60). Заметим, что перед нами отсылка одного типа – парафраз, который свидетельствует о глубоком усвоении цитируемых слов, т.е. и старец Зосима, и Смердяков произносят эти слова как свои. На первый взгляд, парафраз, возникающий в речи Смердякова, является ироническим, пародирующим (3) – впрочем, в результате объектом пародии становится не Священное писание. На наш взгляд, в словах Смердякова очевидна ирония именно по отношению к их с Иваном разговору, недаром он прибавляет в конце: «...только вы не ищите Его, не найдете», как бы обвиняя Ивана в том, что он забыл о Христе. Своим парафразом Смердяков пытается напомнить о словах Христа: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». И оказывается, что их с Иваном свидание происходит на фоне этих слов. Поскольку они собрались отнюдь не во имя Христа, само их общение оказывается кощунственной пародией на единство во Христе. Однако в первый раз в устах старца Зосимы парафраз Евангелия прозвучал всерьез, значит, можно с уверенностью предположить, что и в этот раз он не просто пародия.

Мы уже разбирали библейский парафраз в речи Смердякова; та отсылка к Библии тоже выглядела насмешкой над вопросом Алеши, но на самом деле выявляла горячее желание Смердякова быть *братом*. В данном же случае Смердяков, казалось бы, насмехается над словами Христа о единстве, сопоставляя эти слова и свой разговор с Иваном, и словно показывая и себе и Ивану как тот идеал, о котором говорится в Евангелии, так и то псевдоединство, которое происходит у них в реальности. Однако евангельский текст остается сакральным независимо от ситуации, в которой он появляется. И поэтому перед нами не только смердяковская ирония. Мы видим горячее и болезненное желание Смердякова соединиться с другим человеком в Боге, и даже не просто желание, но и некую потенцию его осуществления: евангельский текст, возникший на фоне этого разговора, выстраивает эту вертикаль, дает возможность участникам этого разговора соединиться во Христе. Отметим и то, что в данном случае сквозная отсылка заставляет читателя сопоставить старца Зосиму со Смердяковым.

В первых двух наших примерах говорилось об одинаковых цитатах, появляющихся в разных местах текста. Но существует прием, похожий по своей структуре на этот – появление в разных местах цитат на одну и ту же тему, из одного и того же смыслового отрывка цитируемого текста. Т.е., к примеру, один сюжет из Евангелия проявляется в разных местах текста романа как бы частями, так что в целом, если сложить эти повествования, получается единая картина. Именно такая композиционная структура соединяет Федора Павловича и Смердякова. В самом начале романа, в главе «Федор Павлович Карамазов», в описании поведения Федора Павловича мы видим цитату из евангельского повествования о Сретении на фоне ситуативной аллюзии: «Федор Павлович узнал о смерти своей супруги пьяный: говорят, побежал по улице и начал кричать, в радости воздевая руки к небу: «Ныне отпускаеши», а по другим – плакал навзрыд как маленький ребенок, и до того, что, говорят, жалко даже было смотреть на него, несмотря на все к нему отвращение» (2, с.9). «Ныне отпускаеши» – это слова молитвы старца Симеона. «И, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром» (Лк. 2:27-29). А Смердяков позже скажет: «Григорий Васильевич попрекает, что я против рождества бунтую: «ты, дескать, ей ложесна разверз». Оно пусть ложесна, но я бы дозволил убить себя еще во чреве с тем, чтобы лишь на свет не происходить вовсе-с» (2, с.204). В данном монологе сплетаются несколько цитат из Писания, однако мы разберем только одну из них, а именно слова Григория, пересказанные Смердяковым: «...ты, дескать, ей ложесна разверз». В этих словах мы видим неточную скрытую цитату из девятого ирмоса канона на Сретение: «В законе сени и писаний образ видим вернии, всяк мужеский пол, ложесна разверзай, свят Богу», где эти слова, в свою очередь, являются цитатой из второй главы Евангелия от Луки, как и приведенные выше слова «ныне отпускаеши»: «как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу» (Лук. 2:23).

Смердяков – незаконнорожденный сын и убийца Федора Павловича, поэтому то, что они связаны между собой именно темой Сретения, т.е. «встречи», конечно, значимо. И опять мы видим, что Смердяков отвергает эти слова, насмехается над ними, говоря: «оно пусть ложесна». И, действительно, отношения Федора Павловича со Смердяковым, завершающиеся гибелью первого от руки последнего, «встречей» вряд ли можно назвать. Как и в предыдущем случае, перед нами ложная встреча – Смердяков становится слугой Федора Павловича и убивает его, вместо того, чтобы стать его сыном, – на фоне которой проступает встреча истинная.

Итак, мы рассмотрели три библейских цитаты, каждая из которых возникает в речи Смердякова и связывает его с другим персонажем. В первом случае цитата соединяет его с Иваном Карамазовым – причем именно в этой цитате говорится о брате. Во втором – образ Смердякова оказывается объединенным с образом старца Зосимы и объединяющая цитата говорит о единстве во Христе. И, наконец, третий случай, самый непростой, объединяет Федора Павловича и Смердякова, его незаконнорожденного сына и, видимо, убийцу, причем объединяет их образ Сретения, «встречи». Причем во всех этих случаях слова Смердякова, в которых появляется цитата, звучат иронически; Смердяков как бы отрицает эту возможность объединения, насмехаясь над ней. Однако во всех приведенных примерах наблюдается некое расхождение, вероятно, кажущееся, между явным и глубинным сюжетом произведения. Несмотря на явное оттор-

жение Смердяковым темы единства, на композиционном уровне такое единство, тем не менее, возникает. Сквозные цитаты делают именно то, к чему Смердяков стремился и что он иронически отвергал. В первом случае парафраз слов Писания «не знаю; разве я сторож брату моему?» (Быт. 4:9), которым Смердяков подчеркнул свою отделенность от Дмитрия и Алеши, объединяет Смердякова с Иваном, а через него и с остальными братьями. Во втором – парафраз слов Христа «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20), которым Смердяков указывает на свое фальшивое единство с Иваном, объединяет его со старцем Зосимой, в речи которого также возникает парафраз слов Христа, и указывает на возможность и для Смердякова соединиться с другими во Христе. И, наконец, в третьем случае мотив Сретения (см. Лк. 2:23-29) объединяет Федора Павловича и Смердякова.

Мы разобрали три примера: два из них представляют собой сквозные цитаты в чистом виде, а последний правильнее будет назвать сквозным евангельским сюжетом. Все они соединяют персонажей композиционно, заставляя читателя сопоставить оба появления отсылки. Но и сюжетно они объединяют персонажей, так как говорится в них о братстве, единстве и встрече.

Литература

1. Томпсон Д. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. – СПб., 2000.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. – Л., 1976.
3. Меерсон О. Библийские интертексты у Достоевского: кощунство или богословие любви // Достоевский и мировая культура. № 12. – М., 1999.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 15. – Л., 1976.

Е.Г. Новокрещенных

аспирант кафедры русской литературы Бурятского государственного университета
г. Улан-Удэ

Образ автора в автобиографической прозе Я.П. Полонского

Статья посвящена исследованию особенностей автобиографической прозы поэта Я.П. Полонского. Особое внимание уделяется образу автора, его характеристике.

E. Novokreshennich

Author's image in autobiographical prose of Y.P. Polonsky

The article is about autobiographical prose of Polonsky. The main idea of the paper is to analyze the author's image in autobiographical prose.

Активизация интереса к автобиографиям и мемуарам как со стороны их создателей, так и со стороны читательской аудитории вызвана, на наш взгляд, теми процессами, которые происходят в жизни современного общества в целом и в литературе в частности. Не ставя в настоящей статье задачу исследования глубинных причин этого явления, отметим, что с ним связан интерес и литературоведов к автобиографии, ее истории, эволюции, поэтике. В научной литературе автобиография определяется следующим образом: «...литературный жанр (как правило, прозаический); последовательное описание автором истории собственной жизни. Для автобиографического описания характерно стремление осмыслить прожитую жизнь как целое...» (1, с.15). Опираясь на высказывание М.М. Бахтина о жанре как знаке литературной традиции, являющемся «памятью искусства»: «Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало» (2, с.122), отметим, что сохраняющаяся функция памяти является основополагающей для автобиографического жанра. Уяснение жанровой специфики автобиографической прозы важно для запечатленной в ней концепции мира и человека.

Существуют критерии, выделенные французским ученым Ф. Леженом, которые позволяют отграничить жанр автобиографии от других смежных жанров. Это форма речи – рассказ, проза; сюжет, в основе которого лежит описание жизни, истории личности; позиция автора, предполагающая тождество автора (чье имя указывает на реальную личность) и повествователя; позиция повествователя, предполагающая тождество повествователя и главного персонажа; ретроспективная перспектива повествования (3, с.112).